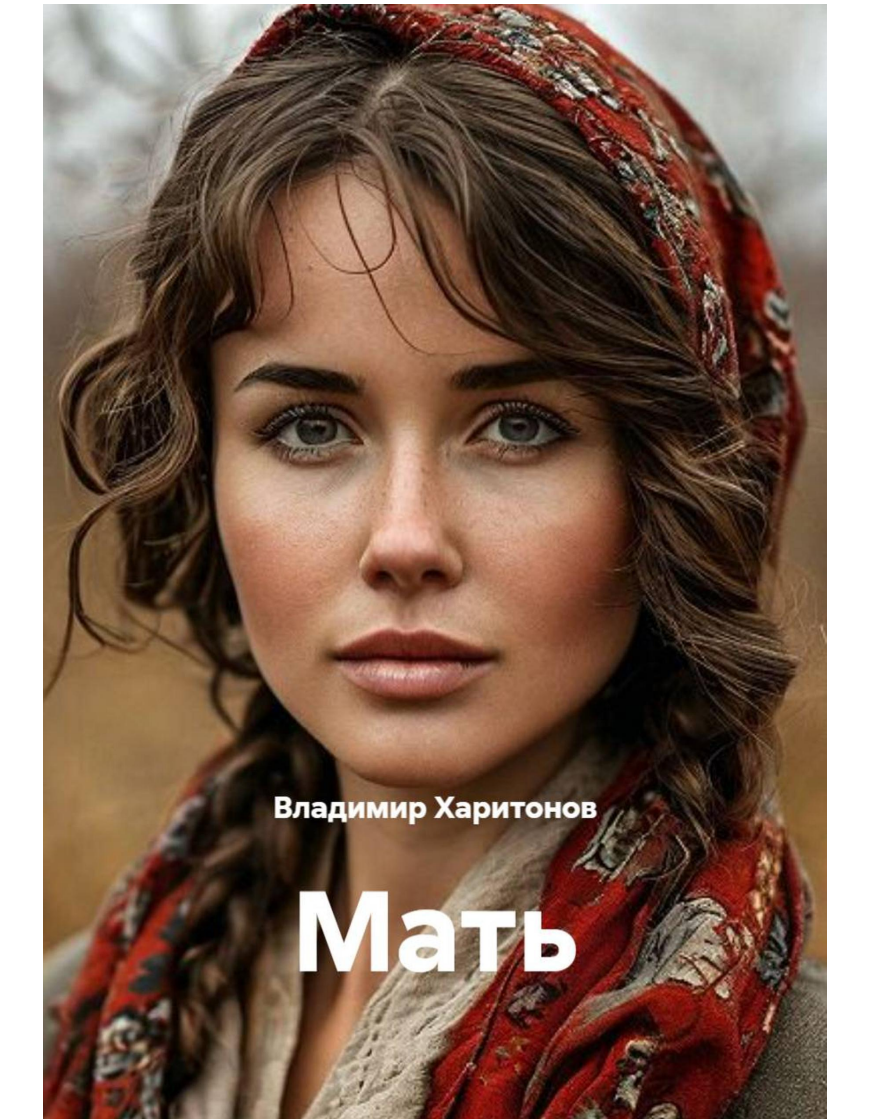

A close-up portrait of a young woman with wavy brown hair and light blue eyes. She is wearing a red headscarf with a floral pattern and a matching red shawl. The background is a soft, out-of-focus landscape.

Владимир Харитонов

Мать

Владимир Харитонов

Мать

<https://litres.ru/74236912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о простой русской женщины с нелегкой, но вполне обычной судьбой. Описано довоенное и послевоенное время, условия проживания в советской глубинке. Изложены материнские жертвы ради своих троих сыновей, их судьба, плотно переплетенная с судьбой родителей. Жизнь и "завидная смерть"...

Владимир Харитонов

Мать

Сколько в России живёт простых русских женщин — тихих, незаметных, без громких историй? О них редко пишут книги, почти не снимают фильмов: их будни, словно не годятся для экрана, а судьбы считаются «неинтересными» для постороннего глаза. И в этом есть своя горьковатая ирония: именно эти женщины держат на себе невидимый, но прочный хребет страны. Они рожают детей — будущих граждан России, растят из мальчишек защитников Родины, день за днём создают тот самый уют, без которого любая семья рассыпается, как дом без фундамента. Без них государство попросту не смогло бы дышать. Они трудятся на заводах и фабриках, зачастую не уступая мужчинам ни в выносливости, ни в упорстве. И пусть не они мелькают в глянце и на телеэкранах — не эти гламурные девы из сериалов воплощают для большинства из нас самую суть Родины. Родина — это как раз они: в тёплых варежках, в простых платьях, с усталыми, но добрыми глазами. Да, кто-то из них не может похвастаться яркой красотой, иные не получили высшего образования, но разве это мешает их детям становиться учёными, инженерами, просто честными и надёжными людьми?

Вот об одной из таких женщин и пойдёт речь. А поскольку для каждого мужчины самой близкой, самой родной жен-

щиной всегда остаётся мать, рассказ этот — о ней: о маме, о мамочке, о той, чьё имя шепчут в трудную минуту. Таких судеб в России — тысячи, и каждая достойна отдельной книги. Но я расскажу лишь об одной. Героиню этой повести зовут Александра Яковлевна. По метрикам она родилась морозным днём 15 января 1934 года в селе Санково Гаврилово-Посадского района Ивановской области. На бумаге всё строго и ровно. А на деле — в родильном доме рабочего посёлка Нерль, в тринадцати километрах от деревни. Забирать Евпраксию Павловну, мать Шурочки, приехал её родной брат Михаил.

Он выпросил в колхозе лошадь Зорьку, запряг её в сани и по скрипучему снегу, осторожно подгоняя стареющую тягловую силу, подкатил к роддому. Сестру, ещё не оправившуюся после родов, и новорождённую племянницу он тщательно укутал огромным тулупом, дёрнул вожжи и, выдохнув в морозный воздух: «Но, родная!» — тронулся в обратный путь. Пурга уже успела переметать дорогу, и старенькая лошадёнка еле-еле тянула вперёд, будто сама зима не хотела отпускать их из посёлка. В те годы храм в Санково сломали, но деревню всё равно по привычке звали селом — так крепче держалась память о прежнем укладе. Село состояло из одной-единственной улицы, что шла от берега небольшой речушки Нерль строго перпендикулярно к ней. Домов по обеим сторонам стояло не больше шестидесяти — все одноэтажные, рубленые, похожие друг на друга, как братья.

Обычная деревня в российской глубинке, где жизнь течёт размеренно и где каждый знает, сколько шагов от колодца до крыльца. Хата, в которой жили родители Александры, стояла посередине правого порядка — ни на отшибе, ни в самом центре, а как раз там, где всё видно и слышно. Когда под вечер сани подъехали к речке, переправляться по деревянным лавам — так в тех местах называли временный мостик через воду — не стали: лёд уже схватился и лежал плотным белым покрывалом, будто сама зима постелила дорогу. Лошадёнка послушно спустилась к реке и, напрягая старые жилы, неспешно, но надёжно перетасила сани с пассажирами на другой берег. Скрип полозьев по насту да тихое похрустывание льда были сейчас самыми громкими звуками в затихающем дне.

Михаил высадил сестру с новорождённой племянницей у своего дома, а сам направился в колхозную конюшню — распрягать уставшую Зорьку. Ещё предстояло дожидаться, пока лошадь остынет после тяжёлой дороги, напоить её чистой водой и положить перед мордой охапку душистого сена. Эта вечерняя забота давно стала привычной, почти ритуальной: нежное похлопывание по мягким ноздрям добродушного животного и тихие слова:

— Ну, спасибо, милая, не подвела. Отдыхай, Зорька, отдыхай.

А лошадь в ответ издавала негромкое, благодарное ржание — словно шептала в морозном воздухе своё простое «пожалуйста».

Имя, которое дала дочери Евпраксия Павловна, Александре никогда не нравилось. С самого детства оно казалось ей каким-то строгим, почти мужским, будто его подобрали не для маленькой девочки, а для серьёзной, взрослой женщины. Но поделаться с этим она ничего не могла — имя уже дано, и с ним приходилось жить. Дом, который девочка со временем стала считать родным, принадлежал брату Евпраксии — Михаилу Павловичу Антонову, тому самому, что ездил за ней в роддом. В этой же хате жила и его семья: мать Екатерина, жена Анна, дети Алефтина и Николай. Не зря в народе говорят: «В тесноте, да не в обиде». В те далёкие годы во многих домах ютились по две-три семьи, и как-то уживались: не скандалили, не делили имущество на «моё» и «твоеё», будто сама жизнь учила бережнее относиться друг к другу. Дети дружили между собой, как родные братья и сёстры, да и взрослые относились ко всем одинаково тепло.

Шурочка помнила себя лет с трёх — помнила, как летом они с Алефтиной и Николаем целыми днями пропадали на улице. Обувь не было, и бегали босиком, не замечая ни колкой стерни, ни прохладных камней. Больше всего им нравилось проводить время у Нерли: купаться в её тёплой воде, сидеть на берегу и наблюдать за рыбаками с длинными удочками. Взрослые, конечно, не разрешали детям купаться без

присмотря, но непослушных недорослей всё равно собиралось больше десятка — можно сказать, со всего села. Нерль в этих местах была неглубокой, но взрослые всё равно хмурились: «Мало ли чего». Впрочем, даже старожилы не могли припомнить случая, чтобы кто-то из деревенских ребят утонул в её водах. Будто сама река берегла своих маленьких детишек.

За рекой, примерно в полутора километрах, лежала деревня Бушариха — с виду неприметная, а для всей округи — важная: там стояла ткацкая фабрика, и она-то и была главным кормильцем всех ближних селений. Бушариха состояла из нескольких улиц, и ни одна не имела собственного имени — будто сама деревня не хотела выделяться. Лишь кое-где на домах темнели номера — ради удобства почтальона, да и только. Никаких лишних обозначений, никакой городской суеты. Впрочем, в деревне и без табличек каждый знал, где и кто живёт: тут чужие не задерживались, а своих помнили всех до единого. Дворов насчитывалось порядка полутора сотен — не густо, но и не пусто, в самый раз, чтобы жизнь казалась общей, а беды и радости — чужими не бывали.

В центре деревни стоял магазин — такой же рубленый, как и большинство домов, будто вырос из той же самой земли. В нём продавали всё самое необходимое: и продукты, и простые промышленные товары — без изысков, без лишней мишуры. Всё строго по делу, как и полагается в местах, где ценят не блеск, а пользу. Напротив магазина высилось един-

ственное в деревне кирпичное здание — если не считать бани. Это клуб, и он служил для деревенских обитателей чем-то вроде маяка: в него изредка привозили фильмы из районного центра, и каждый такой показ становился настоящим событием, почти праздником. Люди собирались все вместе, будто на общий совет, и даже воздух в такие дни казался другим — чище, радостнее. По выходным в клубе устраивали танцы, и тогда молодёжь стекалась сюда со всей округи: не в каждой деревне найдётся такое развлечение, чтобы и музыка, и простор, и ощущение, что жизнь идёт вперёд.

Со всех сторон деревню обнимали смешанные леса — щедрые и терпеливые: в своё время они одаривали жителей грибами и ягодами, будто благодарили за бережное к себе отношение. А вот при въезде в Бушариху, с правой стороны, и на выезде росли сосновые рощи — их местные называли «зименками». В этих рощах редко встретишь берёзку, зато кусты орешника порой радуют глаз, а осенью дарят жителям приятное лакомство — фундук. Правда, созревал он только к концу сезона, и ожидание само по себе становилось частью деревенского уклада. Откуда взялось название «зименки», никто толком не знал — даже старожилы лишь пожимали плечами: мол, так испокон веков говорили. Но эти вечнозелёные красавицы, без сомнения, украшали пейзаж, придавая ему особую степенную красоту. Такие же сосны росли и возле клуба с магазином — словно сторожа, что и днём, и ночью берегут деревенский покой.

Мать Александры, Евпраксия Павловна, вышла замуж ровно за год до рождения дочери — за своего ровесника Якова Михайловича. Не по любви, а, казалось, по какому-то тихому, внутреннему расчёту. Яков был инвалидом: хромал на правую ногу, а одна рука у него казалась неестественно кривой — будто жизнь уже успела оставить на нём свою метку. И всё же лицо, по женским меркам, вполне симпатичное — доброе, незлое, с той особой открытостью, которая порой дороже внешней красоты. К тому же Яков слыл в деревне очень умным: после школы он стал учителем, хотя, возможно, и без высшего образования — в те годы в небольших поселениях и такое случалось, и к этому относились с пониманием.

Почему Евпраксия выбрала именно его, доподлинно никто не знал. Может, и правда в деревне парней оставалось немного, особенно после трудных лет, и выбирать было почти не из кого. А может, в нём она увидела ту самую надёжность, которая в суровой деревенской жизни ценится выше пылких слов. Семья просуществовала недолго. По инициативе Евпраксии брак распался — и это в те времена было редкостью, почти вызовом устоявшемуся порядку. Особенно после рождения первенца: справедливо считалось, что ребёнку для правильного воспитания нужны оба родителя, и развод воспринимался как трещина в самом фундаменте семьи. Яков вынужденно вернулся к своим родителям — к матери Марфе и отцу Михаилу. Их дом стоял в Иван-деревне, в двух-трёх километрах от Санково.

Местные жители всегда говорили именно так — не «деревня Иван», а «Иван-деревня», будто подчёркивая, что это не просто точка на карте, а место со своим характером. Семья держала корову, и маленькая Шурочка, едва подросла, стала частенько наведываться к ним — в первую очередь ради кружки молока. В те годы, по воспоминаниям Александры Яковлевны, почти все жили бедно, питались впроголодь, и такая малость, как тёплое молоко, становилась для ребёнка настоящей радостью. Отец Якова, Михаил, внучку Шурочку искренне любил: при встрече всегда обнимал, гладил по голове — и в этих простых движениях ощущалось столько тепла, сколько девочка не чувствовала в собственном доме. Марфа тоже привечала её, кормила, поила, но в её заботе сквозило и какое-то непонятное ребёнку неудовольствие. Своим детским умом Александра догадывалась, что дело в разводе матери: Марфа, естественно, стояла на стороне сына и переживала за него. Яков, похоже, искренне любил Евпраксию, тяжело переживал расставание, и материнское сердце болело вдвойне.

Когда Шуре исполнилось пять лет, мама её, Евпраксия, наконец, устроилась на работу — куда же ещё, как не на фабрику в Бушарихе. Правда, не ткачихой и не прядильщицей: эти профессии, требующие сноровки и силы, ей отчего-то не дались. Взяли подсобной рабочей, но и это казалось удачей: предприятию нужны трудовые руки, а ей — хоть какой-то заработок. Зато как своей труженице ей выделили комнату

в двухэтажном рубленом общежитии — совсем рядом с магазином и клубом. Дом по деревенским меркам казался почти городским: большой, на два подъезда, в два этажа. Перед ним была небольшая площадка, где летом мужики собирались за деревянными столами с лавками по обе стороны — кто в шахматы играть не спеша, кто азартно рубиться в домино, поднимая лёгкую пыль и перебрасываясь короткими фразами. От пыльной центральной дороги площадку прикрывали заросли сирени, черёмухи и молодых берёзок — будто сама природа старалась уберечь этот тихий уголок от суеты.

Евпраксии досталась угловая каморка на первом этаже, в первом подъезде слева. Не дворец, конечно, но и не шалаш: прямо под окнами имелся небольшой участок, где можно по весне посадить картошку. В коммуналке три комнаты, примерно по пятнадцать квадратных метров каждая, и в каждой жила отдельная семья. По тем временам такие условия казались почти роскошью. Правда, кухня одна на всех: три стола, на каждом — примус, работавший на керосине. Устройство простое, но с характером: и еду сварит, и, если не уследить, дом спалит. А ещё этот дом отчего-то особенно полюбили голуби. Они облюбовали карнизы, козырьки и даже печные трубы, и под их мирное воркование жилыцы и засыпали, и просыпались. Ни кошки, которых в доме жило немало, ни люди птиц не тревожили — так и жили бок о бок. Потому и виднелись белые следы их пребывания повсюду: на столах,

на лавках, на подоконниках... Но к этому быстро привыкаешь, когда главное — пережить день и накормить детей.

На фабрике Евпраксия познакомилась с Иваном Григорьевичем Глебовым. Они приглянулись друг другу, и вскоре сыграли свадьбу. Иван к падчерице относился хорошо, без строгости, и страхи Шуры, что отчим будет наказывать за любую мелочь, постепенно растаяли. В 1940 году у Евпраксии и Ивана родилась дочь Екатерина. Всё шло будто на лад, но тут пришла война. К её началу Александре исполнилось семь лет — как раз пора идти в школу, в первый класс. Шурочка навсегда запомнила тот день: женщины в Бушарихе плакали все разом, словно горе разлилось по деревне широкой рекой, и не имелось ни дома, ни двора, куда бы оно не заглянуло. Такое же всеобщее, тяжёлое горе она пережила ещё раз — в 1953 году. Однако об этом чуть позже...

Ивана забрали в армию, и он погиб в самом начале боевых действий. Евпраксия переживала его смерть тяжело: ночами плакала тихо, чтобы дети не слышали, а днём держалась, потому что надо как-то жить дальше. Шурочке казалось, что после этого мать стала ещё крепче прижимать к себе младшую Катю, будто хотела защитить её от всего мира. Кукол и игрушек ни у Шуры, ни у Кати, ни у их подружек никогда не было: их попросту не завозили в деревенский магазин. Да и времени на «баловство» у детей не оставалось: с малолетства их приучали к труду, и каждый день оказывался наполнен делами, которые взрослым казались нужнее забав.

Шурочка любила ходить в дом, где родилась, — к родным, которые по-прежнему там жили. Дорога неблизкая: больше двух километров через болотистую пойму, а потом по лавам через Нерль. Местные плотники всегда до самой воды делали деревянные мостки, так что можно пройти, не замочив ног. Но для ребёнка шести-семи лет даже такая тропа казалась опасной: запнёшься, упадёшь в вязкую пучину — и беды не миновать. В Санково Александра любила забираться на печь и спать рядом с бабушкой Екатериной — матерью Евпраксии. На тёплой печи время будто замирало, и все тревоги оставались снаружи. У Екатерины, кроме дочери, было ещё трое сыновей — Михаил, Егор и Василий. Когда началась война, всех братьев Евпраксии призвали. Егор и Михаил прошли всю войну и вернулись живыми, а Василий погиб.

Без мужчин в деревнях стало особенно тяжело: голод подступал всё ближе, а вместе с ним появлялись и банды, готовые отнять последнее. Никакой милиции в округе не имелось, и жители оставались один на один с бедой. Однажды, в 1941 или 1942 году, на зимний праздник Николая Угодника, старушка Екатерина пошла ночью в туалет — в ту самую дощатую будку с дыркой посередине, что стояла в огороде, отдельно от дома. Такие удобства были не у всех, и даже они казались роскошью. На улице мела метель, темно и холодно, а когда Екатерина попыталась открыть дверь, та оказалась подпёрта снаружи. Сердце у неё оборвалось: где-то рядом ходили чужие люди, явно с недобрыми намерениями. А

корова в хлеву почему-то молчала, и от этого становилось ещё страшнее. Екатерина подумала с ужасом, что разбойники могли зарезать Буренку.

Она разбудила сноху Анну и велела идти доить корову, хотя время для этого еще совсем неподходящее. Так она неуклюже, по-бабьи, попыталась уберечь сноху от прямого ужаса: пусть сама потянет дверь и догадается обо всём без лишних слов. Ведь бандиты не останавливались ни перед чем — могли и убить, лишь бы не осталось свидетелей. Война и злоба тогда захлестнули мир, и даже в самых тихих деревнях не найдешь уголка, куда бы не проник этот холод. Екатерина сидела у окна и не сводила глаз с тропинки, высматривая тех, кто в этот час должен идти на ферму — на утреннюю дойку. В деревне утро всегда начиналось одинаково, и эта привычная картина сейчас была для неё единственной надеждой. И вот, наконец, между огромных сугробов показались фигуры доярок. Не раздумывая, Екатерина бросилась к печной трубе и закричала что есть силы:

— Караул! Помогите!

И — удивительное дело — её слышали. Люди не дрогнули, не остались за своими запертыми дверями, а пошли на крик.

Вместе с бабами к дому спешил и мужичок-инвалид — шёл, прихрамывая, но шёл, потому что в беде чужих не бы-

вает. Работники фермы подбежали, сорвали подпорки, отперли дверь. К тому моменту от бандитов и след простыл — растворились в метели, будто их и не было. Корова, слава богу, осталась жива. Унесли только картошку да кое-какие припасы. Голодный у голодного... В этом была своя горькая, уродливая логика военного времени. На квартире у Екатерины и Анны тогда жила ещё счетовод колхоза — худенькая, невысокая женщина средних лет. Имени её Александра Яковлевна с годами не удержала в памяти, а вот образ остался: тихая, незаметная, вечно склонившаяся над своими тетрадями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.